

1.1.2. Реформаторские инициативы министра-силовика и настроенный консерватизм аппарата

На том же траурном митинге 9 марта 1953 г. Берия говорил:

– Кто не слеп, тот видит, что в эти скорбные дни все народы Советского Союза в братском единении с великим русским народом еще теснее сплотились вокруг Советского правительства и ЦК партии.

Казалось бы, какие новации можно найти в этой пафосной фразе? И, тем не менее, внимательный читатель мог обратить внимание на то, что впервые за всю историю большевистской словесной эквилибристики сталинской эпохи «правительство» поставлено перед «ЦК партии». Но это цветочки. За ними последовали ягодки. Рабочим, колхозникам, крестьянству (именно так, а не колхозному крестьянству, как привыкло слышать ухо советского человека), а также интеллигенции было обещано, что они могут работать спокойно и уверенно, «зная, что Советское правительство будет заботливо и неустанно охранять их права, записанные в Сталинской Конституции»{128}.

Итак, с высокой трибуны Мавзолея были произнесены слова о конституционных правах человека. Однако мало ли что говорят политические и государственные деятели, обращаясь к народу. Особенно в переломные моменты истории. И стоит ли обращать на них внимание? Во всяком случае, вряд ли будет преувеличением утверждение, что подавляющее большинство внимавших Берии и на Красной площади, и у радиорепродукторов во всей стране никак на них не реагировало. Но вот для стоявшего на той же трибуне А.И. Микояна эти слова не остались незамеченными, и он не преминул указать Берии:

– В твоей речи есть место о гарантировании каждому гражданину дарованных ему Конституцией прав личности. В речи другого деятеля это было бы только политической декларацией, а в речи министра внутренних дел – это программа действий. Ты должен будешь выполнять ее.

– Я и выполняю ее, – последовал ответ{129}.

Перед своим старым товарищем по бакинскому подполью Берия позволял себе быть откровенным. И когда тот как-то спросил его, зачем ему МВД, поделился своими замыслами:

– Надо восстанавливать законность, нельзя терпеть такое положение в стране. У нас много арестованных. Их надо освободить и зря людей не посылать в лагеря. НКВД надо сократить, у нас не охрана, а надзор за нами{130}.

Микояна, судя по его дальнейшему поведению, это обещание не удивило. Он воспринял его тогда спокойно. Но были и другие люди в коллективном руководстве, которым уже первые шаги Берии пришлось не по душе. Даже тогда, когда тот пытался их облагодетельствовать каким-либо образом, как, например, Молотова, которого он сразу же после похорон вождя привез на Лубянку и в собственном кабинете вручил ему срочно привезенную из ссылки жену. Особенно неуютно почувствовали они себя, когда до них стало доходить (а это произошло очень скоро, уже в первые дни марта), что Берия «под видом того, что нам нужно жить по-новому», начал, по словам Л.М. Кагановича, «свергать мертвого Сталина»{131}.

Система, где главной скрепляющей силой являлся сам Сталин, без него не могла уже оставаться неизменной. Тема культа личности возникла сразу же после смерти «вождя всех времен и народов». Как отмечал американский историк Р. Такер, после смерти вождя процесс борьбы с культом личности не только стал возможным, но и фактически был начат самой смертью Сталина{132}.

Десталинизация началась уже в марте. Уже на следующий после похорон вождя день Маленков приглашает на внеочередное заседание Президиума ЦК КПСС идеологических секретарей ЦК М.А. Суслова и П.Н. Поспелова, а также главного редактора «Правды» Д.Т. Шепилова. Положив перед ними последний номер «Правды», он стал спрашивать, почему его речь на траурном митинге напечатана крупным шрифтом и заняла почти всю полосу, а выступления Молотова и Берии набраны обычным шрифтом и им отведено лишь по половине полосы.

– Надо было печатать одинаково.

Затем он обратил их внимание на фотографию, помещенную на третьей полосе, с изображением Маленкова, сидящего между Сталиным и Мао Цзэдуном:

– Такого снимка вообще не было! Это произвольный монтаж из общего снимка, сделанного при подписании договора о союзе с Китайской Народной Республикой. И выглядит этот монтаж как провокация.

Вслед за этим последовал перечень и других нарушений: не полностью поименованы те, кто стоял в первом почетном карауле; из находившихся в последнем почетном карауле (а их список был утвержден в ЦК) не упомянуты члены Президиума ЦК Первухин и Сабуров; при описании почетного караула одни названы верными учениками и соратниками покойного, а другие – нет. Общий вывод был таким:

– В прошлом у нас были крупные ненормальности, многое шло по линии культа личности. И сейчас надо сразу поправить тенденцию, идущую в этом направлении. И в дальнейшем не следует цитировать только одного из выступавших на траурном митинге. Это было бы, во-первых, незаслуженно, а во-вторых, неправильно, ибо попахивает культом личности. Считаю обязательным прекратить политику культа личности! {133}

Шепилов признал свою ошибку {134}, Президиум ЦК записал ему за это выговор {135}.

Нам неведомо, сам ли Маленков был инициатором столь смелого почина, как полагают некоторые историки {136}, или он действовал по совету Берии. Но несомненно, что давал он эти указания от имени всего Президиума ЦК, на котором они, судя по всему, и обсуждались. Не приходится сомневаться и в том, что само коллективное руководство мыслило себя абсолютно несовместимым с культом личности и посчитало для себя обязательным «прекратить политику культа личности». Имя этого культа тогда названо не было. Но с 20 марта Сталин перестает упоминаться в заголовках газетных статей, его почти не цитируют. Однако очевидно: исчезнуть из общественного сознания и отойти в прошлое личность Сталина, господствовавшая над обществом, не могла сразу же. Страна по-прежнему жила в преклонении перед великим «вождем» и его мудростью.

Между тем на сессии Верховного Совета СССР 15 марта были законодательно оформлены структурные и персональные изменения, осуществленные в высших органах советской власти. А накануне, 14 марта, на пленуме ЦК КПСС то же было сделано в отношении перемен на партийном Олимпе. Была удовлетворена просьба Маленкова освободить его от обязанностей секретаря ЦК, «имея в виду нецелесообразность совмещения функций председателя Совета министров и секретаря ЦК КПСС». В то же время на него было возложено «председательствование на заседаниях Президиума ЦК», тогда как «руководство Секретариата и председательствование на заседаниях Секретариата» решено было возложить на секретаря ЦК Хрущева {137}.

В конце марта была объявлена широкая амнистия. Правда, предложение Берии распространить ее на осужденных внесудебными особыми совещаниями и тройками, то есть на политических преступников, не прошло. Освобождению подлежали только те, кто был осужден на срок не более 5 лет. А таковых среди политических, как правило, не было. И все же на свободу вышло около половины из 2 миллионов заключенных – 972 829 человек {138}. Из оставшейся в ГУЛАГе другой половины почти полмиллиона считались «контрреволюционерами» {139}.

Затем, 3 апреля Берия объявил невинными и освободил кремлевских врачей. На вопрос «Поверили ли вы в их невинность или продолжали считать, что они в чем-то виноваты?» 43% опрошенных в 1998 г. и 48% опрошенных в 1999 г. ответили, что поверили. Считали их также невинными изначально соответственно 13 и 7% опрошенных {140}. «Ведь многих могли осудить почти ни за что», – говорила шлифовщица с завода «Фрезер» Н.В. Подколзина {141}. От заключенных, работавших в центральных ремонтных мастерских Комсомольска-на-Амуре, узнала о том, как следователи добивались нужных им признаний, кладовщица Т.П. Кищенко. Не сомневалась, что арестованных медиков кто-то оклеветал, врач городской больницы в Бельцах (Молдавия) Л.В. Беляева. «Все считали “дело врачей” недоразумением, а после реабилитации успокоились: все-таки была справедливость», – рассказывала инженер нефтеперерабатывающего завода в Капотне А.С. Шурова. «Все знали об их невинности», –

утверждал шофер МИДа Г.В. Алексеев. «В виновность врачей никто не верил», – вторила ему работница предприятия п/я 565 М.А. Харитоновна. Верил в виновность, а теперь «осознал, что это было ошибкой», конструктор КБ-1 Ю.К. Игнатов. {142}

Не поверили официальному сообщению, продолжали считать, что врачи в чем-то виноваты, 20-23% опрошенных. Около двух третей этой категории людей составляли женщины. «Просто так их бы не посадили», – уверена была продавщица из Нерчинска О.Г. Михайлова. «О деле врачей ходили какие-то слухи, и когда их реабилитировали, никто не поверил», – вспоминала О.В. Фоменкова, работница фаянсовой фабрики в Дрезне. «Евреи всегда виноваты», – считала Р.А. Ивасенко из поселка Хомутово в Башкирии. «Все говорили, что они виноваты, все им желали смерти», – свидетельствовала Н.М. Орлова, крановщица из Дмитрова. По-прежнему оставалась уверенной в существовании заговора врачей и осуждала ЦК Н.Д. Марчева из подмосковного Щелково. И ныне «не уверен в их невинности» Ю.Я. Мазур, в то время работавший на Чугуевском авиаремонтном заводе, что до сих пор боится врачей В.М. Кудинов, работавший тогда на Московском шинном заводе.

Не знали, что думать, не имели четкого мнения от 6 до 4,5% опрошенных. Не имели достаточных сведений, чтобы судить самостоятельно, – говорила костромская колхозница А.Д. Лебедева. «До нас правда не доходила», – вторил ей сельский плотник из Мордовии Н.М. Ведяшкин.

Не задумывались, не вникали в суть проблемы, были далеки от нее, не интересовались ею от 6,5 до 4% опрошенных. Читал об этом в газете «Правда», но не задумывался А.Т. Щепкин: «Меня волновало только предстоящее поступление в военное училище!» {143} Утверждают, что не знали о реабилитации врачей 9% опрошенных. Не помнят об этом событии еще 8,5% опрошенных.

Неожиданная реабилитация кремлевских врачей заставила кое-кого задуматься: почему совсем недавно о них говорили как об «убийцах в белых халатах», а теперь объясняют, что их собственные признания были получены «незаконными методами»? И что это за методы? Пытки? А что же Сталин? Ответ на этот вопрос народу дали после ареста и казни Берии: вот-де, кто истинный злодей! А пока Берия ответственность за это возлагает на бывшего министра госбезопасности С.Д. Игнатьева. 6 апреля Президиум ЦК освобождает его от обязанностей секретаря ЦК, а 24 апреля решает вывести его и из состава ЦК. 27-28 апреля это решение было одобрено членами ЦК в опросном порядке. Мотивировалось оно в духе «лучших» сталинских времен: мол, выявились новые обстоятельства «неправильного и нечестного поведения» этого человека, в вину ему ставилось и сокрытие «от правительства ряда важных государственных документов» {144}.

Тогда же членов и кандидатов в члены ЦК начинают знакомить с документами, свидетельствующими о роли Сталина в недавних репрессиях, о его требованиях к следователям ужесточить допросы. Главный редактор «Литературной газеты» и кандидат в члены ЦК К.М. Симонов свидетельствовал: «Чтение было тяжкое, записи были похожи на правду и свидетельствовали о болезненно психическом состоянии Сталина, о его подозрительности и жестокости, граничащих с психозом. Документы были сгруппированы таким образом, чтобы представить Сталина именно и только с этой стороны» {145}. Не их ли, кстати, и скрывал Игнатьев? Но примерно через неделю чтение этих бумаг было прекращено. Успевшие с ними познакомиться высказывали тогда мнение, впоследствии подтвердившееся, что идея такого чтения принадлежала Берии, но что его коллеги остудили его разоблачительный пыл. А тот же Симонов признавал, что в результате этого чтения к тому нравственному удару, который он, тогда еще сталинист, пережил во время речи Хрущева на XX партийном съезде, он «был, наверное, больше готов, чем многие другие люди» {146}.

Таким образом Берия пытался явить советской элите и тем, кто был непосредственно виноват в нарушениях социалистической законности в последние год-два, но и того, по чьим указаниям они действовали. И в этом он немало преуспел. Но то, что он поднял руку на секретаря ЦК, не могло не послужить тревожным симптомом для других членов коллективного руководства {147}.

Итак, выдвинув Маленкова на пост первого человека в государстве и став его первым заместителем, Берия с его согласия энергично взялся за замену наиболее прогневивших опор

режима. Оба они понимали, что система, созданная во время революции для защиты ее завоеваний и для победы в войнах с ее противниками, исчерпала уже свои многие ресурсы, а ее институты нуждались в реформировании для более эффективного функционирования в новых условиях, чтобы страна, общество не зашли в тупик. Но отступить от тоталитарного принципа самой системы они не собирались. Еще меньше готовы были к этому другие члены Президиума ЦК. Их пугал нараставший поток докладных записок Берии в Президиум ЦК, где излагался его реформаторский курс. Но возражать принципиально они не смели, ибо все свои инициативы он заранее согласовывал с Маленковым, который и включал их для обсуждения в повестку дня. Так что на самом заседании Президиума ЦК можно было спорить только по мелочам или же просить отложить на какое-то время принятие окончательного решения. Именно так, например, удалось поступить с бериевской инициативой сократить налоги, взимавшиеся с колхозного крестьянства, и разработать систему мер по подъему сельского хозяйства за счет его материального стимулирования.

Между тем, с конца мая и весь июнь главная газета партии и страны ссылается на Сталина всего один раз! Прекращено издание его сочинений. Последним успел увидеть свет 13-й том, набор 14-го и 15-го был рассыпан в типографии {148}. 9 мая по предложению Берии Президиум ЦК принимает постановление «Об оформлении колонн демонстрантов и зданий в дни государственных праздников», которым строго предписывалось отныне проводить торжества без портретов руководителей.

Берия инициировал и ряд мер, направленных на смягчение национальной напряженности в Прибалтике и на Западной Украине, где открытое вооруженное сопротивление к этому времени вроде бы было подавлено, но скрытое противостояние продолжалось. 26 мая 1953 г. Президиум ЦК принял постановление «Вопросы западных областей Украины». В нем констатировалось, что политическое положение в этих областях «продолжает оставаться неудовлетворительным». Население болезненно воспринимает «огульное недоверие к местным кадрам из числа интеллигенции», а перевод преподавания в вузах на русский язык «широко используют враждебные элементы, называя эти мероприятия политикой русификации». О явной неудаче репрессивных мер по борьбе с «буржуазно-националистическим подпольем» говорит тот факт, что около 8000 человек из молодежи, подлежащей набору в ремесленные училища и школы фабрично-заводского обучения, перешло на нелегальное положение» {149}.

Ответственность за это «явное неблагополучие» была возложена на руководство ЦК КПУ Украины и Совет Министров УССР, в связи с чем было решено снять Л.Г. Мельникова с поста первого секретаря ЦК КПУ, отозвав его в распоряжение ЦК КПСС и выведя его из кандидатов в члены Президиума ЦК КПС. Вместо него первым секретарем ЦК КПУ рекомендован А.И. Кириченко, занимавший до этого пост второго секретаря. Помимо этого было признано необходимым провести на Западной Украине снижение норм по государственным поставкам сельскохозяйственных продуктов и обязательным денежным платежам. Новому украинскому руководителю поручили провести в западных областях республики пленумы обкомов и горкомов и обсудить на них «данное постановление и докладную записку тов. Л.П. Берии» {150}.

Подобного рода решения были приняты и в отношении прибалтийских республик. Пленум ЦК КП Латвии обсудил «крупные недостатки в политической работе и в руководстве хозяйственным и культурным строительством». Избранный на этом пленуме вторым секретарем ЦК КПЛ (вместе с 6 новыми заведующими отделами – латышами) В.К. Круминьш вспоминал позже, как вернувшийся из Москвы первый секретарь Я.Э. Калнберзин передал категорическое указание Берии перевести все делопроизводство в учреждениях и организациях на латышский язык, а всех работников, этим языком не владеющих, в течение двух-четырех недель отправить в распоряжение ЦК КПС. А министр внутренних дел, «который сам говорил по-латышски через пень-колоду, самолично разбил пишущую машинку с русской клавиатурой» {151}.

Реалистичнее, чем раньше, новое советское руководство смотрело и на проблемы внешней политики. Оно стало проявлять большую готовность к разумному компромиссу в тупиковых ситуациях. Было объявлено об отказе от каких бы то ни было территориальных претензий к Турции. Были восстановлены дипломатические отношения с Израилем,

разорванные в разгар «дела врачей». Предпринимались шаги по нормализации отношений с Югославией. Дано согласие на заключение перемирия в Корею.

Той же весной, уже через два-три месяца после смерти Сталина, новое советское руководство в лице Маленкова, Молотова, Берии и Хрущева в беседе с венгерским лидером М. Ракоши рекомендовало ему разделить посты главы партии и главы правительства, «поскольку неправильно сосредоточивать слишком большую власть в одних руках». Сами они уже сделали это. Причем решили впредь руководителя партийного аппарата не именовать генеральным секретарем, а всего лишь первым секретарем. Делясь своими планами в области внутренней и внешней политики, они утверждали, что намерены «резко повысить жизненный уровень трудящихся», для чего собираются снизить темпы роста капиталовложений в тяжелую промышленность и вообще те капиталовложения, которые медленно амортизируются, не скоро начинают приносить доход, зато всеми средствами станут наращивать производство товаров народного потребления. В этих же целях будут сокращаться военные расходы и одновременно с этим предприниматься попытки смягчить международную напряженность посредством соответствующей мирной политики. И обо всем этом преимущественно говорил Берия. Остальные ему поддакивали {152}. Но, как стало ясно чуть позже, не очень-то искренне.

В конце мая 1953 г. в Президиуме ЦК КПСС обсуждалось положение в Германской Демократической Республике: там было беспокойно и отмечалось «серьезное недовольство», наиболее явственно выразившееся «в массовом бегстве жителей ГДР в Западную Германию» (440000 человек за последние два года, в том числе 120000 в этом году, из них 2718 коммунистов) {153}. В Министерстве иностранных дел была выработана рекомендация немецким товарищам «не проводить форсированную политику строительства социализма». Берия же предложил выкинуть из текста слова «форсированную». Молотов был в недоумении:

– Неужели же не ясно, что документ в такой редакции означает отказ от построения социализма в ГДР и капитуляцию перед американцами?

Его поддержали Хрущев, Булганин и другие. Однако Берия продолжал настаивать на своем, ибо полагал, что для СССР и его союзников гораздо выгоднее иметь в Европе не фронтовую линию, разделяющую два противоположных мира и две Германии, а обширную нейтральную полосу:

– Нам нужна мирная Германия. А будет ли там социализм или не будет, нам все равно.

Поскольку к определенному выводу не пришли, создали комиссию из Маленкова, Берии и Молотова. Но им так и не пришлось собраться. Вечером, после заседания, на традиционной прогулке Маленкова, Берии и Хрущева по Кремлю последний уговорил уступить Молотову {154}.

Вынужденный отказаться от своего предложения, Берия, тем не менее, решил позвонить Булганину и посоветовать ему подумать, но не над германским вопросом, а о своем дальнейшем пребывании на посту министра обороны. В том же духе говорил с ним и Маленков. Булганин поспешил поведать об этом Хрущеву. Тот приободрил его, сообщив, что говорил в свою очередь с Молотовым, который остался очень доволен оказанной ему поддержкой и предложил даже перейти с ним на «ты» {155}.

Вслед за этим Хрущев явился к Маленкову и сказал:

– Послушай, разве ты не видишь, куда все это ведет?.. Берия ножи точит... Пора дать отпор... Мы должны отвергнуть его планы.

Согласившись с ним, Маленков спросил, что тут можно поделать. Хрущев пояснил, что он уже обменивался мнениями с Булганиным.

– Уверен, что и остальные присоединятся к нам, если наши аргументы будут основываться на твердой партийной позиции. Дай всем нам хоть раз высказаться, и ты увидишь, что получится... Давай попробуем {156}.

Повестку дня следующего заседания Президиума ЦК он предлагал составить таким образом, что в ней оказалось несколько вопросов, по которым Берия должен был остаться в одиночестве.